

АРТЕМ ЖИТЕНЕВ

Артистизм красного цвета

Общая газета. — 1999. — 20-26 июля. — с.10
Полюбоваться «Последним днем Помпеи» выстроилась очередь

ВЫСТАВКА в залах новой Третьяковки, приуроченная к 200-летию юбилею Карла Брюллова, поражает универсальностью и высокой мастерской. Художник испробовал самые разнообразные техники — живопись, карандаш, сепию, перо, акварель, всевозможные смешанные техники. Ему подвластны, кажется, все жанры — от костюмной исторической картины и пышного парадного портрета до портрета интимного, от роскошных «ню» до сельских пейзажей и стилизованных пасторалей, а еще есть замечательные эскизы, этюды, иллюстрации! В его творчестве слестнулись все мыслимые (и немислимые!) направления. Тут и трескучий академизм, перерастающий в салон, и академизм «парнасского» толка в духе античных вариаций Константина Батюшкова, сладковатый сентиментализм и все оттенки романтизма, открывающие пути символизму конца века, стилизациям «Мира искусства» — только взгляните на его «Прогулку Людовика XV в детстве» или иллюстрацию к пушкинскому «Арапу Петра Великого»!

И везде, везде ощутима «горячка» творчества, взрывная экспрессивность, кое-где многословная, но часто напряженно-страстная или даже исполненная трагизма. Недаром в цветовой палитре этого художника самый запоминающийся-

цвет — красный. Красное одеяние старого археолога Ланчи, красный развевающийся занавес позади блистательной Юлии Самойловой, удаляющейся с бала, красное пламя погибающей Помпеи, красная бархатная обивка кресла в «Автопортрете» и портрете Струговщикова. Цвет пылливой научной мысли, огненной чувственности, разрушительных бытийных катаклизмов, творческого пылания. Таков разброс символики «красного». Работы напоены энергией, страстью (порой избыточной). Можно сразу догадаться, что автор из породы Стрельцов — так открыты миру лица его персонажей, не дремлющих, рыхлых, полусонных, а активно-напряженных, готовых «выпустить стрелу». Но отсюда и предельность усталости, житейской исчерпанности, с необыкновенной выразительностью представленная в знаменитом «Автопортрете».

В персонажах художника почти всегда ощущим трепет жизни — он в контрастах белого и черного, в острых пылливых взглядах, нервных артистических руках, в волосах, которые живут, а не «обрамляют чело», в бледных, всегда словно сияющих лицах. Артистизм — вот, пожалуй, первое, что приходит на ум. Артистизм в исполнении, в выборе, в трактовке мотива. Каким бы был Пушкин, изобрази его

Брюллов? У Кипренского он тоже — артист, но мечтательный, чуть наивный. Брюллов изобразил бы его или захваченным водоворотом страстей, или в полном изнеможении от пронесшейся душевной бури, каким он изобразил еще одного Александра — Струговщикова, переводчика Гёте. Портрет Струговщикова, на мой взгляд, один из лучших в русской портретной галерее. Так и видишь, как эта линия артистичного изображения персонажа-артиста проходит через русскую культуру XIX—XX веков. Брюллов тут из первых.

Есть еще один оттенок, привнесенный Брюлловым в русскую живопись — традиционно очень аскетичную, сыровую. Художник — мастер неги, всех ее оттенков, всех ее проявлений. Гаремы, турчанки, итальянские девушки, собирающие виноград, роскошные аристократки на балах, обнаженная женская натура, напоенные радостью сценки «простой» итальянской жизни, бесконечные графические любовные свидания.

Кстати, наконец-то удалось рассмотреть его прелесть «Вирсавию», прежде висевшую в каком-то темном углу, словно стыдливо задвинутую.

Современников Брюллов восхитал историческими и жанровыми картинами. Последующее поколение отдавало предпочтение

портретам. Пожалуй, такой расклад актуален и по сей день. Разве что при лезцезрении «Последнего дня Помпеи» поприбавилось «апокалиптических» ассоциаций. Новая развеска вдруг «обновила» давно известные портреты. Для меня стал открытием портрет Платона Кукольника, где художник виртуозно работает «всеми оттенками черного», открывая пути новейшей живописи.

На выставке много автопортретов. Есть даже выделенная стенка графических автопортретов, очень ярких и выразительных. Но и без этих автопортретов мы можем представить лицо Брюллова — живое, страстное, изнемогающее, трагичное. Исполненное противоречий и контрастов.

Русский романтизм немислим без этой фигуры — Великого Карла, как называли его современники. А можно бы, вспомнив Возрождение, назвать его Великолепным (как будут называть поэта-символиста конца XIX века Вячеслава Иванова). В самом деле у Брюллова — ренессансные широта, многогранность, чувственное упование жизнью. Ренессансный трагизм. Потому что человек смертен. И (как там у классика?) внезапно смертен. А мир Брюллова — сугубо человеческий.